

УТВЕРЖДАЮ

Первый проректор –
проректор по научной работе
ФГБНУ ВО «РГГУ»
канд. фил. наук, проф.

О.В. Павленко

«28» декабря 2019 г.

Отзыв ведущей организации ФГБОУ ВО «РГГУ»
на диссертацию А.В. Ложкиной
**«"Беседа о субъекте-пудгале" как философско-религиозный диалог
в структуре палийского канона ("Катхаваттху I.1")»**,
представленной на соискание ученой степени кандидата философских наук
по научной специальности 09.00.03 – История философии

Диссертационная работа А.В. Ложкиной – несомненно, отрадное событие в отечественной индологии. У нас сейчас не так много специалистов, которые могут читать и исследовать индийские религиозно-философские тексты в оригинале – на индийских языках, в частности, на языке пали. В недавние десятилетия в этой области науки новые, молодые лица появлялись довольно редко. Поэтому диссертацию А.В. Ложкиной, посвященную анализу весьма сложного текста из так называемого Палийского канона (собрания разнообразных сочинений на языке пали, почитаемых как «слова Будды»), можно только приветствовать.

Диссертация А.В. Ложкиной написана по традиционным канонам востоковедного историко-философского исследования. Основа и, можно сказать, содержательный центр диссертации – это перевод довольно длинного (объемом около двух печатных листов) цельного текста из Палийского Канона и подробный комментарий к переводу: как в форме постраничных примечаний, так и в форме отдельной (второй) главы диссертации, в которой переведенный текст анализируется фрагмент за фрагментом. Для исследования, посвященного индийской (и, пожалуй, любой другой неевропейской, западной) мысли, именно такое построение научной работы (то есть перевод конкретного текста плюс подробный его разбор-комментарий) представляется оптимальным, потому что более или менее адекватное понимание столь *иной* (то есть очень отличающейся от привычных для нас образцов) мысли возможно лишь при пристальном анализе цельного текста: анализе составляющих его слов и связей между ними, анализе строения фраз и их сцеплений. Лишь при таком анализе можно выявить и специфику чужой мысли, и то, что в ней универсально, сопоставимо с другими мысленными мирами. Именно такая аналитическая историко-философская работа предпринята А.В. Ложкиной в ее диссертации.

Текст, выбранный А.В. Ложкиной для перевода и исследования, – это фрагмент (можно сказать, первый раздел первой части) сочинения под названием «Kathā-vatthu» («Катхā-вātтху» – о переводе этого названия см. далее), входящего в третью «корзину» («питаку») Канона – «Абхидхамма-питаку». Выбранный текст представляет немалый интерес в плане истории философии, потому что в нем, во-первых, обсуждаются характерные мировоззренческие представления раннего буддизма о единстве/неединстве человеческой личности, а во-вторых, при этом обсуждении используются изощренные полемические и логические приемы («технологии»).

В нашей стране изучение языка пали и текстов на этом языке имеет уже полуторастолетнюю историю.

В 1872 г. выдающийся русский индолог Иван Павлович Минаев (1840-1890) издал в Санкт-Петербурге «Очерк фонетики и морфологии языка пали», в 1874 г. вышедший в Париже во французском переводе, а в 1875 г., в Рангуне, – в переводе на английский.

Чуть ранее, в 1869 г., И.П. Минаев издал, также в Санкт-Петербурге, в «Записках Императорской Академии Наук», текст из Палийского канона (правила жизни монахов) под названием «Патимоккха-сутта» (в санскритской транскрипции – «Пратимокша-сутра») – оригинал на пали и русский перевод с комментариями.

В 1899 г., уже после смерти И.П. Минаева, в «Журнале Общества палийских текстов», в Лондоне, был опубликован изданный им старинный комментарий (на языке пали) к «Катхá-вátтху». А.В. Ложкина упоминает в своей работе это издание (с. 51 и с. 149), но дает не вполне точное библиографическое его описание.

В XX веке, как заметили в 2003 г. Т.Я. Елизаренкова и В.Н. Топоров, «в России наступил длительный период застоя в изучении пали» (Язык пали. 2-е изд. М., 2003. С. 5). Ученики И.П. Минаева С.Ф. Ольденбург (1863-1934) и Ф.И. Щербатской (1866-1942), а также их ученики занимались преимущественно северным буддизмом и, соответственно, текстами на санскрите, тибетском и китайском, а со второй половины 1930-х гг. и эти занятия практически сошли на нет. Новое дыхание изучение буддизма в СССР и, в частности, изучение палийских текстов, получило лишь в конце 1950-х гг. Большое значение имели приезд (в 1957 г.) и недолгое пребывание в России Юрия Николаевича Рериха. В 1960 г. была опубликована «Дхамма-пада» в блистательном русском переводе В.Н. Топорова (Ю.Н. Рерих был ответственным редактором издания). В 1965 г. вышла книга Т.Я. Елизаренковой и В.Н. Топорова «Язык пали» (2-е расширенное издание, без цензурных изъятий, появилось в 2003 г.). Но «Дхамма-пада» вызвала сильный гнев тогдашнего начальства, которое усмотрело в публикации этого «религиозного текста» «идеологическую диверсию». Начальственный гнев (как утверждают, сведший в могилу Ю.Н. Рериха) на многие годы «перекрыв кислород» переводам с языка пали. Правда, в 1970-е гг. появлялись переводы палийских *джатак* (рассказов о прежних рождениях Будды), поскольку они считались «литературой с фольклорными корнями» и, следовательно, идеологически достаточно безвредными. И только в 1989 г. (в год падения Берлинской стены) увидел свет русский перевод «Вопросов Милинды» (в прекрасном переводе питерского индолога А.В. Парибка).

Палийский Канон, иначе «Типитака» («Три корзины»), состоит из трех частей (трех «корзин»). Это «Виная-питака» («Корзина дисциплинарных предписаний»), «Сутта-питтака» («Корзина сутт» или «Корзина сутр»¹), содержащая многообразные прозаические и поэтические тексты повествовательного и назидательного характера, и (на санскрите – «Абхидхарма-питака»), буквально – «Корзина абхидхаммы (абхидхармы)», наиболее «теоретическая», иначе сказать, аналитическая часть Канона. Мориц Винтерниц (1863-1937), один из виднейших европейских индологов своего времени, в рецензии на английский перевод «Абхидхамма-питаки» написал (в 1910 г.), что если индийское слово «дхамма / дхарма» обычно соотносится с европейским словом «религия», то слово «абхидхамма / абхидхарма» можно соотнести со словосочетанием «философия религии».

На русский язык с языка пали до сих пор переводились тексты в основном или даже исключительно из первых двух «корзин» Канона: «Пратимокша-сутра» – из «Виная-питаки», «Дхамма-пада» и джатаки – из «Сутта-питтаки». «Вопросы Милинды» в Таиланде и на Шри Ланке считается текстом «внеканоническим», но в бирманской традиции и это произведение включается в «Сутта-питтаку». Тексты из «Абхидхамма-питаки» у нас или не переводились вообще, или, по крайней мере, такие переводы малоизвестны.

1 Палийское слово *sutta* соответствует санскритскому слову *sūtra*.

В 1918 г. российский востоковед Оттон Оттонович Розенберг (1888-1919) в своей книге «Проблемы буддийской философии» написал, имея в виду западную науку в целом: «Знакомство с буддизмом по первоисточникам опиралось главным образом на палийскую литературу проповедей (сутр) и на сочинения по дисциплине (виная); палийская абхидхарма оставлялась без внимания». ² Спустя сто лет это суждение остается справедливым в отношении российской науки.

Таким образом, диссертация А.В. Ложкиной – это работа во многом первопроходческая, так как диссертантка отважилась взяться за перевод и исследование сложного текста именно из палийской «Абхидхамма-питаки» – текста, можно сказать, доктринального, в котором дотошно – на специальном, «техническом» языке – обсуждаются некоторые из основных доктрин буддийского вероучения.

Как справедливо отмечено в диссертации (с. 10), выбранный для перевода и исследования текст прежде на русский язык не переводился. Но в 1915 г. в Лондоне был опубликован перевод на английский язык, сделанный известной британской исследовательницей буддизма госпожой К. Рис-Дэвидс и бирманским ученым Шве Зан Аугом. С тех пор никаких иных переводов на какой-либо европейский язык не появлялось. Перевод К. Рис-Дэвидс и Шве Зан Ауга, несомненно, очень хорош и авторитетен, но всё же в некоторых случаях он заслуживает более критического к себе отношения (см. далее).

Диссертация А.В. Ложкиной состоит из введения (с. 3-15) со всеми необходимыми разделами (актуальность исследования, степень научной разработанности проблемы и т.д.), двух глав (с. 16-57 и с. 58-141), заключения (с. 142-145), списка литературы (с. 146-151) и приложения (с. 152-302), по объему равного остальному тексту диссертации. Приложение, которое, как уже сказано, можно считать основой и содержательным центром диссертации, содержит оригинальный текст на языке пали (в принятой латинской транскрипции) и перевод этого текста на русский язык.

Первая глава диссертации – историческая и источниковедческая. В ней дается общее описание Палийского Канона и той его части, которая избрана для перевода, а именно – «Катхā-вāттху». Изложена в общих чертах история изучения этого текста и основные подходы к его истолкованию. Вторая глава диссертации представляет собой подробный комментарий, пассаж за пассажем, того раздела «Катхā-вāттху», текст и перевод которого помещен в «Приложении». И перевод, и предпосланное ему исследование – это, несомненно, добротная работа. Но вернее сказать, это добротная основа для будущего совершенствования.

Можно надеяться, что в недалеком будущем А.В. Ложкина опубликует свой перевод фрагмента «Катхā-вāттху» (а может быть, еще и других фрагментов этого текста) вместе с подробными (более подробными, чем в диссертации) комментариями и сопроводительной статьей. Имея в виду эту перспективу, выскажем здесь некоторые замечания и пожелания.

Название текста, выбранного А.В. Ложкиной для перевода и исследования, – это сложное слово из двух частей: *kathā* и *vatthu*. Слово *kathā* в данном случае можно перевести как 'беседа' или 'спор' ('дискуссия'), а слово *vatthu* (что соответствует санскритскому *vastu*) – как 'предмет', 'тема' и т.д. И в латинской транскрипции, и в написании кириллицей это сложное слово лучше писать через дефис: *Kathā-vatthu* и *Катхā-вāттху* – а во втором случае имеет смысл обозначать еще и ударение (хоть и условное, поскольку в языке пали подобного ударения нет), чтобы человек, знающий русский язык, но не знающий пали, мог произнести это слово более или менее близко к оригинальному произношению.

Стоит заметить, что в английском переводе «Катхā-вāттху» К. Рис-Дэвидс и Шве Зан Ауга слово *Kathā-vatthu* пишется именно через дефис – и на титульном листе, и в тексте предисловия. (А.В. Ложкина везде дает лишь сокращенное библиографическое

2 Розенберг О.О. Труды по буддизму. М.: Наука (ГРВЛ), 1991. С. 79.

описание названной книги, опуская название оригинального палийского текста – *Kathāvatthu*).

Перевод названия текста, *Kathāvatthu*, как «Вопросы дискуссии» представляется не очень удачным. Слависты считают, что в русском языке порядок слов иногда выполняет роль артикля – определенного или неопределенного. Так, во фразе «Оркестр играл в глубине сада» слово «оркестр» как бы помечено определенным артиклем. А во фразе «В глубине сада играл оркестр» – мы имеем дело как бы с неопределенным артиклем при слове «оркестр». Подобным же образом в словосочетании «вопросы дискуссии» слово «дискуссия» как бы помечено неопределенным артиклем: какая-то одна дискуссия. Между тем в тексте «Катхā-вāттху» мы имеем дело со множеством разных «дискуссий». И еще: слово дискуссия, пожалуй, слишком современно (анахронистично) для такого старинного текста, как «Катхā-вāттху». Стоит подумать над иным переводом названия «Катхā-вāттху». Может быть, просто «Спорные вопросы» или «Предметы споров»?

Слово *kathā* А.В. Ложкина в разных случаях переводит по-разному: «*Kathāvatthu*» – как «Вопросы дискуссии», а название переведенного раздела, «*Puggala-kathā*», – как «Беседа о пуггале» (с. 152) или «Беседа о субъекте-пуггале» (на титульном листе диссертации и в других местах). Перевод слова *kathā* стоит унифицировать.

Перевод слова-термина *puggala/pudgala* как 'субъект' также представляется не очень удачным. Слово «субъект» как термин для философских рассуждений, по-видимому, пришло к нам из немецкого философского языка и «тянет» за собой набор коннотаций, которые не очень хорошо сочетаются со смыслом слова *puggala/pudgala* в пали и санскрите. В статье «Субъект» в Новой философской энциклопедии (автор статьи – В.А. Лекторский) читаем: «Субъект... – носитель деятельности, сознания и познания...». И само слово «субъект», и названная статья отсылают к слову «объект». С кругом представлений и коннотаций слова *puggala/pudgala* всё это мало соотносится. Эти индийские слова связаны со спорами о единстве или неединстве каждого конкретного человеческого «я», с противопоставлением слов (понятий) *ātman* (на пали *attā*) и *anātman* (на пали *anattā*). Поэтому для русского перевода слова *puggala/pudgala* стоит поискать какое-то более нейтральное слово, менее, чем слово «субъект», отягощенное специфическими коннотациями. Могло бы подойти слово «личность». Т.Я. Елизаренкова и В.Н. Топоров переводили палийское слово *puggala* как 'индивидуум', 'персона' (Язык пали. 2-е изд. М., 2003, с. 168). В санскритско-русском словаре В.А. Кочергиной для слова *pudgala* даются значения: 'душа', 'личность'.

А.В. Ложкина вполне осознаёт сложность проблемы перевода слова-термина *puggala* и других слов-терминов в «Катхā-вāттху». На стр. 59 диссертации читаем: «Вопрос о том, как лучше переводить термин *пудгала*, не может быть в настоящее время решен окончательно. Из возможных эквивалентов более подходящим по смыслу мы считаем термин "субъект"... [Но] данный перевод является условным». Стоит заметить, что проблема перевода слова-термина *puggala* – это лишь частный случай более широкой проблемы, а именно: проблемы метаязыка для описания и анализа индийской (и вообще инокультурной) мысли. Отечественные исследователи индийской философии большей частью исходят из невысказываемого предположения, что имеющийся у них в распоряжении русский язык может служить метаязыком для описания и анализа индийского материала. Между тем, современный русский литературный (и научный) язык – это всего лишь один из языков европейской культурной традиции и в силу этой своей культурной обусловленности и культурной ограниченности он не может – без специальных ухищрений – служить универсальным метаязыком для описания иных культурных миров. Судя по всему, А.В. Ложкина вполне отдаёт себе в этом отчет. В будущей книге стоило бы уделить данной проблематике еще больше внимания.

И вот еще несколько замечаний по переводу, помещенному в Приложении к диссертации.

Прежде всего, не очень удобно для восприятия расположение оригинального текста и перевода: фрагмент за фрагментом. В будущей книге оригинал и перевод стоит расположить параллельно: или в две колонки на каждой странице, или на соседних страницах, напротив друг друга.

Нумерация пассажей внутри фрагментов кажется слишком дробной и навязчивой, мешающей восприятию текста. Так ли необходима подобная нумерация, придуманная диссертанткой? Но если эта нумерация будет сохранена, то ее стоит взять в квадратные скобки, тем самым подчеркнув, что она добавлена переводчицей.

Переводы *anuloma-pañca* как «пятичастная анулома» (с. 153), *patikamma-catukka* – как «четырёхчастная патилома» (с. 154-155) и т.д. опять-таки неудачны и, что важнее, неточны. А.В. Ложкина, по-видимому, следовала в этих случаях К. Рис-Дэвидс и Шве Зан Аугу, которые перевели *anuloma-pañca* как «The Fivefold Affirmative», *patikamma-catukka* – как «The Fourfold Rejoinder» и т.д. Вернее были бы переводы: «пять (или: пятерница) анулом», «четыре (или: четверка) патилом» и т.д. В санскритской грамматике есть аналогичное выражение: *muni-trayam* – и это не «троичный мудрец», а «три мудреца» или «тройка (троица, триада) мудрецов», то есть Панини, Катьяяна и Патанджали.

В первой фразе перевода сомнение вызывает перевод глагольной формы *upalabbhati* (на санскрите было бы *upalabhyati*) как «познаётся» (с. 152-153):

1.1.1.1 Puggalo upalabbhati saccikatthaparamatthenāti? →

1.1.1.1 Познаётся [ли] субъект-пудгала как истинный и реальный в высшей степени?

Глагольная форма (пассивного залога) *upalabbhati* буквально может быть переведена как 'обретается', 'имеется', или, говоря по-нашему, 'есть', 'существует'; значение 'познаётся' – скорее вторичное, производное. А.В. Ложкина сама в комментариях отмечает многозначность слова *upalabbhati*. Примечательно, что вышеупомянутый Мориц Винтерниц в своей «Истории индийской литературы» даёт такой перевод этой первой фразы «Катх́а-ва́ттху»:

«Is there such a thing as a person (an individual soul) which can be regarded as a real or absolute substance?» («Существует ли такая вещь как личность [индивидуальная душа], которую можно счесть реальной и абсолютной?»)

Пожалуй, действительно, главное здесь – вопрос о *реальном существовании* индивидуальной души, а вопрос о ее *познаваемости* – уже вторичен, хотя, как справедливо замечает А.В. Ложкина (с.64), существование и познание (познаваемость) здесь неразрывно связаны. Но об этом можно подробно сказать в комментарии к переводу.

В будущей книге имело бы смысл провести «разделение труда» между комментариями к конкретным словам и фразам перевода, с одной стороны, и более общими рассуждениями в сопроводительных материалах, с другой. Во втором случае имело бы также смысл подробнее рассмотреть буддийскую «неортодоксальную» идею о несуществовании единой «души» (*anātman*) в отличие от «ортодоксального» представления о единой «душе» (*ātman*). Это сделало бы более понятным споры о *puggala* в «Катх́а-ва́ттху».

Стоило бы также поместить эти споры в более широкий, «межкультурный», компаративный контекст. Так, давно замечено, что рассуждения Дэвида Юма в одной из глав его «Трактата о человеческой природе» (а именно, в главе 6 четвертой части: «О тождестве личности») во многом напоминают рассуждения буддистов об *anātman*'e. Задавался даже вопрос, не знал ли Юм об этих рассуждениях буддистов. Так или иначе, тема, рассматриваемая в диссертации, волновала и волнует не только буддистов.

Диссертация А.В. Ложкиной может быть использована в дальнейших исследованиях Палийского Канона и буддийской философии в целом, а также в вузовском преподавании различных востоковедных, философских и религиоведческих дисциплин.

Текст диссертации прошел проверку программой «Антиплагиат».

Автореферат соответствует содержанию диссертации.

Диссертация А.В. Ложкиной соответствует паспорту научной специальности 09.00.03 – История философии, в частности, сформулированной в нем одной из «целей историко-философской специальности» – «востребовать и оживить мысленный опыт прошлого в пространстве современных мировоззренческих потребностей».

Остается констатировать, что диссертация А.В. Ложкиной отвечает требованиям пп. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук.

Текст отзыва составлен С.Д. Серебряным, доктором философских наук, директором Учебно-научного института высших гуманитарных исследований им. Е.М. Мелетинского (УН ИВГИ им. Е.М. Мелетинского) ФГБОУ ВО «РГГУ», обсужден и принят на заседании совета УН ИВГИ им. Е.М. Мелетинского ФГБОУ ВО «РГГУ» 18 декабря 2019 г., протокол № 12 (208).

Директор УН ИВГИ им. Е.М. Мелетинского
ФГБОУ ВО «РГГУ»
доктор философских наук

С.Д. Серебряный

С.Д. Серебряный

Подпись *С.Д. Серебряного*
УДОСТОВЕРЯЮ
Начальник Управления кадров
Н.Н. Назарова *Н.Н. Назарова*

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский государственный гуманитарный университет»
(ФГБОУ ВО «РГГУ»)
Миусская пл., 6, Москва, 125993
Тел. (495) 250-61-18
E-mail: rsuh@rsuh.ru